

Лян Шу был в прекрасном настроении, поэтому спорить не стал. Его длинные пальцы легли на стопку бумаги, всё ещё хранившую тепло недавнего жара, которое согревало и его сердце. Гао Линь, преуспевший в роли свахи, уже мысленно рисовал себе будущее: когда в Поднебесной воцарится мир, он вернётся на родину и займётся устройством браков, живя спокойной жизнью. Он уже начал улыбаться, но, прежде чем улыбка успела расплыться по лицу, вперёд выбежал разведчик, хромя, и доложил, что в городе Саньшуй день и ночь не смолкают крики и звуки тренировок, факелы полыхают, заливая небо, словно все горожане уже вступили в ряды повстанцев.

Гао Линь тихо выдохнул — вся его радость мигом испарилась. Лян Шу передал ему портреты, а сам принялся за военный отчёт. Разведчик украдкой взглянул на выражение лица князя и, набравшись смелости, добавил: «В Саньшуй распространились слухи, люди поддались обману и думают, что раз уж смерть неизбежна, то лучше...»

Он не осмелился продолжить, но Гао Линь понимал: слухи наверняка крутятся вокруг трагедии в Цинъяне. В них время резни перенесли с момента падения города на период после, а виновниками выставили не отчаявшихся повстанцев, а армию Янь. Жители Саньшуй, услышав такое, решили: если город не удержать — смерть неминуема, и потому спешно взяли за оружие, готовясь к отчаянной борьбе.

«Ладно, — сказал Гао Линь. — В следующий раз будь осторожнее, смотри, как ты упал — прямо как последний оборванец».

«Слушаюсь», — ответил разведчик, слегка озадаченный: почему заместитель командующего, кажется, совсем не сердится? Однако поднять голову и разглядывать он не посмел и поспешил удалиться.

Лю Сюаньань лежал в повозке с провизией и спал, но внезапно проснулся от тряски. Он высунул голову и сонно спросил: «Дядя Ли?»

Возница смущённо объяснил: «Простите, господин Лю, князь приказал двигаться вдвое быстрее прежнего, так что медлить нельзя. Подложите побольше соломы, чтобы не удариться головой».

С чего бы вдруг ускорять ход? Лю Сюаньань выбрался из повозки, сел на лошадь и отправился к А-Нину. Тот как раз закончил обрабатывать раны того самого разведчика и рассказал ему о происходящем в Саньшуй.

«Похоже, там уже все, от мала до велика, взяли за оружие, — сказал А-Нин. — У городских ворот горят факелы, и каждый полон ненависти».

«Поставь себя на их место, — ответил Лю Сюаньань. — Жил ты себе спокойно, вдруг обрушилось бедствие, едва успел укрыться в городе, который считал безопасным, и тут узнаёшь, что правительство собирается всех перебить. Конечно, они полны ненависти. Люди просто поддаются обману, боятся за свою жизнь, а не то чтобы всерьёз хотят перерезать всех солдат».

«Так что же делать?» — спросил А-Нин.

Лю Сюаньань не знал. В исторических хрониках у каждого полководца свой нрав и свои приёмы. Он поехал к Лян Шу и спросил, как действовать в такой ситуации.

Лян Шу ответил: «Будем действовать по прежнему плану».

Лю Сюаньань кивнул: «Хорошо».

Лян Шу протянул руку и усадил его к себе на лошадь: «Я-то думал, ты пришёл уговаривать меня: мол, горожане невиновны, лучше действовать мягко и склонить их к сдаче».

«Люди и вправду невиновны, но на войне все должны подчиняться командующему, — сказал Лю Сюаньань. — Я тоже подчиняюсь командующему».

Лян Шу спросил: «А если командующий — бездарный дурак, ты тоже будешь подчиняться?»

Лю Сюаньань проигнорировал эту гипотезу: «Князь ведь не такой».

Хотя он мог бы рассуждать о причинно-следственных связях и воле Неба целый день, сейчас ему было не до того. Он размышлял о предстоящем сражении. Действовать по прежнему плану означало брать город штурмом. Саньшуй, в отличие от Цинъяна, стоял на открытой местности, это был важный узел, со всех сторон открытый дорогам. В мирное время это преимущество, а на войне — недостаток, ибо никаких естественных преград не было.

Армия Янь могла беспрепятственно подступить к Саньшуй. Даже если повстанцев было много, сброд никогда не сравнится с регулярным войском, не говоря уже о том, что их вожди — один был разбойником, а другой командовал десятками тысяч солдат Великой Янь.

Лю Сюаньань слегка вздохнул.

«Я отдам приказ перед битвой — по возможности избегать жертв», — сказал Лян Шу.

«Чтобы избежать жертв, нужно щадить врага, а щадя врага, рискуешь своими, — повернулся к нему Лю Сюаньань. — Князь любит своих солдат, как детей, и всё же отдашь такой приказ?»

Лян Шу усмехнулся: «Ты, похоже, меня понимаешь. Но к пострадавшим людям и к настоящему врагу подход должен быть разным, если у тебя есть хоть капля здравого смысла. Не тревожься слишком».

Лю Сюаньань задумчиво положил пальцы на лук седла, потом снова спросил: «Слухи распространил сам князь?»

Лян Шу натянул поводья, слегка замедляя Тёмного цзяо: «Что?»

«Слухи о резне. Князь намеренно их распустил, верно? Иначе они не разнеслись бы так быстро, — повторил Лю Сюаньань. — Жителей Цинъяна перебили потому, что они отказались присоединиться к повстанцам, хотели просто отсидеться, и для Хуан Вансяна никакой ценности не представляли — только лишние рты. Так что, если жители Саньшуй из страха сами возьмутся за оружие и станут помощниками Хуан Вансяна, он по крайней мере не станет их резать».

«Жители Цинъяна были безоружны, а у жителей Саньшуй должно быть хоть какое-то оружие для самозащиты. Выдать его им я не могу — пусть Хуан Вансян выдаёт, — сказал Лян Шу. — Хотя это создаёт нам лишние трудности, но сейчас это самый быстрый способ решить проблему. Битву за Саньшуй нужно закончить быстро, иначе, чем дольше она затянется, тем больше людей перебежит к повстанцам в третий город. Малейшее промедление обернётся куда большими потерями». Он поправил Лю Сюаньяна волосы, растрёпанные ветром. «Хватит думать об этом кровавом деле. Ступай в свои миры, найди там симпатичных старцев, сыграй с ними в шахматы, послушай музыку, ладно?»

Лю Сюаньань подумал, что нет, не ладно, потому что настроения у него никакого нет.

Лян Шу склонился к нему.

Лю Сюаньань слегка отвернулся.

Лян Шу продолжил склоняться.

Лю Сюаньань продолжил отворачиваться.

И вот Гао Линь издали наблюдал, как его князь флиртует с чужим господином, среди бела дня, на глазах у целой армии.

Он тоскливо вздохнул.

Хотя в резиденции князя Сяо особого порядка никогда и не водилось, но это уже слишком.

Хотя бы для приличия нужно было сохранять видимость.

Вечером, во время привала, А-Нин, вводя иглы, спросил: «Почему у господина тоже голова болит?»

Лю Сюаньань сидел, выпрямившись, под деревом. А почему, собственно, у меня не может болеть? Не просто болит, а ещё как болит.

А-Нин подложил ему под спину подушку: «После битвы жители Саньшуй поймут, что резня — дело не князя, всё это недоразумение».

«Но это будет уже после войны, — сказал Лю Сюаньань, подпирая подбородок, чтобы шея не затекла. — А до войны и во время войны они будут считать армию Янь настоящим врагом».

«Ничего не поделаешь, — сказал А-Нин, поворачивая иглу. — Если люди безоружны, только едят провизию и не хотят сражаться с армией Янь, то в глазах Хуан Вансяна их единственная ценность — быть перебитыми. Присоединиться к повстанцам для них безопаснее. Князь выбирает меньшее из двух зол».

Лю Сюаньань подумал и решительно сказал: «Поедем с тобой в Саньшуй».

А-Нин не раздумывая согласился: «Хорошо». Даже не спросив, зачем.

Лю Сюаньань встал и отправился к Лян Шу.

«Господин, господин! — А-Нин торопливо побежал за ним. — Иглы ещё не снял!»

Лю Сюаньань сам снял их с головы и поспешно заткнул за пояс.

Лян Шу в тот вечер, на своё счастье, лёг спать пораньше, но, едва начав засыпать, услышал, как телохранитель за палаткой тихо говорит: «Господин Лю, князь уже отдыхает».

Слова «господин Лю» для нынешнего князя Сяо были что десять чашек крепчайшего чая — мгновенно прогоняли сон. Он накинул одежду и вышел: «В чём дело?»

«Ничего, князь, спите, я завтра... А?»

Лян Шу втащил его в палатку и налил воды: «Говори».

Взгляд Лю Сюаньаня невольно упал на расстёгнутый воротник князя. Он подумал, что в реальности это выглядит иначе, чем во снах, но из-за игры света и тени рассмотреть как следует не удавалось, и он прищурился.

Лян Шу предложил: «Может, разденусь, чтобы ты получше разглядел?»

Лю Сюаньань согласился: «Можно».

Но Лян Шу запахнул одежду, скрывая свои старые и новые шрамы: «Впрочем, нет. Сегодня закрыто, зрителей не принимаем. Говори о деле».

<http://bllate.org/book/16268/1464387>